

ПРАВО В УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ ВО ВРЕМЯ ИХ ПРЕБЫВАНИЯ В СОСТАВЕ ПОЛЬШИ, ЛИТВЫ И РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (КОНЕЦ XIV — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII В.)

Н. СТРАХОВ

*доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент НАПрН Украины*

Украинские земли, оказавшиеся захваченными Литвой и Польшей, даже в таких сложных условиях все же сохранили и защитили высокий уровень своей правовой культуры. Они не только успешно отстаивали украинские правовые формы и институты, но и активно влияли на правовую и культурную жизнь Великого княжества Литовского и Польского королевства.

Своеобразное политическое развитие украинских земель, оказавшихся в составе нескольких соседних государств, привело к образованию в Украине довольно пестрой системы правовых источников.

Ее первоначальной базой стало право Киевской Руси. Особую роль среди источников права в Украине сыграла Русская Правда, имевшая значительное влияние на развитие правовых систем Великого княжества Литовского и Польского королевства, в составе которых находилось большинство украинских земель.

В конечном итоге на украинских землях правовая система сформировалась на основе синтеза местного права обычаев и нормативных актов в виде судебныхников, уставов, сеймовых постановлений, привилегий и других актов Польского королевства и Великого княжества Литовского. При этом роль права обычаев в регулировании общественных отношений была довольно значительной. Продолжительное время оно действовало наряду с нормами писаного права [1, 184–185]. Особенно заметно это было в Польском королевстве, где обычное право широко применялось даже в условиях шляхетской Речи Посполитой.

Наиболее значимым источником польского права обычаев была известная еще с середины XIII в. «Книга польского права обычаев» [2, 353].

Наряду с функционированием польского права обычаев формировалось и писаное право. Первоначальными его формами были королевские статуты и привилеи. Позднее оно облекалось в форму королевских статутов, привилеев и декретов, сеймовых конституций. Источниками писаного права были и правовые акты, издаваемые местной властью, и правовые акты церкви [2, 356].

© Н. Страхов, 2013

Собственную правовую систему было создано в Великом княжестве Литовском. Союз с Польшей способствовал постепенному сближению литовского права с польским, особенно в том, что касается положения шляхты. Однако своеобразность литовского права сохранялась. Поэтому после Люблинской унии 1569 г. на украинских землях, входивших в состав Великого княжества Литовского (Волинь, Подолье и Киевщина), «был введен государственный порядок, но не судебное право коронных земель» [3, 177].

Условия для кодификации законодательства в Литве были более благоприятными, чем в Польше. Результатом этого стало появление в Великом княжестве Литовском в XV в. Судебника, а в XVI в. — трех Литовских статутов. Судебник 1468 г. (Устав Казимира) стал первым кодексом уголовного и уголовно-процессуального права Великого княжества Литовского. В его основу были положены местные обычаи и судебно-административная практика. Он содержал смешанные старые украинские и новые польско-литовские правовые понятия. Многие были взяты из Русской Правды [4, 409].

В I Литовском статуте (позднее он получил название «Старого»), исключительно светском кодексе, принятом на Вальном сейме 29 сентября 1529 г., были юридически закреплены основы общественного и государственного порядка, сложившиеся к тому времени в Литве и на украинских землях, входивших в состав княжества. Литовский статут 1529 г. состоял из 13 разделов и 264 артикулов. Статут провозглашал, «что все наши подданные, как бедные, так и богатые, какого бы рода или сословия они ни были, одинаково должны быть судимы этим писанным правом», т. е. на основании норм, изложенных в Статуте [5, 462].

Уникальность Статута 1529 г. состоит в том, что в него органически объединенными пластами вошли, в частности, некоторые положения Русской Правды, нормы права обычаев (украинского, белорусского и литовского) [1, 195], ряд пунктов из польских и немецких судебных кодексов, в том числе из Саксонского зерцала, которое в значительной мере повлияло на формирование правовых систем Центральной и Восточной Европы [6, 10].

Для разработки проекта II Литовского статута в 1551 г. была создана комиссия из 10 человек (пять католиков и пять православных), в состав которой вошли «советники маршалковые, урядники земские, хорунжие и другие лица рода шляхетского, доктор прав чужеземных», которые и составили Статут. Последний был утвержден сеймом в 1554 г. и вступил в силу только в 1566 г.

По уровню кодификационной техники Статут 1566 г. превосходил I Литовский статут. Он закреплял социально-экономические и политические изменения, произошедшие в Великом княжестве Литовском с 1530 по 1565 г.: определял положение Великого князя («господаря»), защищал привилегии крупных феодалов, фиксировал права и вольности шляхты. Статут 1566 г. начинался обещанием «от высшего сословия и до низшего, теми едиными правами, писанными от нас (господаря) данными судить» [7, 560].

Статут 1566 г. делился на 14 разделов и 367 артикулов. Как и I Литовский статут, он включал нормы, относящиеся к разным областям права. Когда после Люблинской унии 1569 г. к Польской короне были присоединены Киевское, Волинское и Брацлавское воеводства, на этих территориях продолжал действовать II Литовский статут, хотя и без второго раздела («Об обороне земской»). Поскольку эта редакция появилась вследствие требований волинской шляхты,

которая выступала за объединение с Польшей, II Литовский статут назывался еще и Волынским [8, 100].

Работа по кодификации права продолжалась и после подписания Люблинской унии. По поручению польского короля Стефана Батория эту работу успешно выполнил литовский подканцлер Лев Сапега. Так появился III Литовский статут, окончательно утвержденный привилеем Сигизмунда III в 1588 г. «Мы, государь, — было сказано в этом акте, — тот статут права Великого княжества Литовского, исправленный этой привилегией нашей, утверждаем и всем сословиям Великого княжества Литовского для применения на все будущее время предоставляем, согласно которому как мы, государь, так и все другие сословия, жители Великого княжества Литовского, должны действовать» [9, 340].

В Статуте 1588 г. определялись права и привилегии шляхты, детально регламентировался порядок судопроизводства, оформлялось закрепощение основной части сельского населения. Действие третьего, или как его стали называть, Нового Литовского статута, одного из наиболее значительных памятников права феодальной Европы, распространялось не только на украинские земли, но и на Корону. Состоял он из 14 разделов и 488 артикулов.

Характерно, что и после принятия в Великом княжестве Литовском статута 1588 г. в присоединенных к Польской короне Киевском, Волынском и Брацлавском воеводствах продолжал действовать Статут 1566 г. [10, 62].

Издание Литовских статутов конечно же ограничивало сферу применения норм обычного права. Однако они, как и раньше, продолжали действовать наряду с писаным правом. I Литовский статут, например, прямо разрешал судьям при отсутствии «писаной» нормы решать дело «на основании старого обычая». Возможность действовать «согласно старому обычаю», «способом обычая старинного» определялась и последующими статутами. Великий князь, сказано в III Литовском статуте, обязывался соблюдать давние обычаи, «все привилегии земской старины и новые от нас данные вольности и обычаи добрые старинные сохранить и ни в чем не нарушать» [9].

Значительное распространение на украинских землях получило Магдебургское право, согласно которому отдельные города Украины наделялись правом самоуправления и правом «между собой судиться и совещаться». Известно оно в виде сборников немецкого права в польском переводе. Наиболее авторитетным среди них был сборник под названием «Статьи Магдебургского права», изданный в 1556 г. Бартоломеем Гроицким. Вслед за этим сборником он подготовил и издал еще пять книг, посвященных разным разделам городского права. Их рассматривали как официальную интерпретацию Магдебургского права [11, 99–105].

В 1518 г. аналогичное право было предоставлено киевлянам с тем, чтобы они «вели свои дела так, как в тех привилегиях им написано и как определяет Магдебургское право» [12, 143]. Магдебургское право имело четко выраженный классовый характер, проявлявшийся в предоставлении привилегий отдельным социальным слоям господствующего класса (шляхте, купечеству, верхушке ремесленников) и, наоборот, в устранении от участия в управлении городскими делами низших слоев горожан. Несмотря на формальную автономию украинских городов, где действовало Магдебургское право, фактически они не были полностью самостоятельными и независимыми.

К источникам права на украинских землях следует отнести и каноническое (церковное) право. Правовыми источниками православной церкви на украинских землях были кормчие книги — «Номоканон» (сборник церковного права) и церковные уставы князей Владимира и Ярослава («Свиток Ярослава»). Известнейшей католической кодификацией канонического права, действовавшей в Великом княжестве Литовском, был «Свод канонического права» 1532 г. В определенной степени к источникам церковного права принадлежат привилегии польских королей Сигизмунда I (1511) и Стефана Батория (1588).

Специфический источник права представляли собой и гетманские военные артикулы, издававшиеся в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой. Они фактически были первыми сборниками военно-судебного и военно-уголовного права.

Большое значение на украинских землях имело казацкое право — совокупность правовых обычаев, которые действовали в кругу казачества. Важность этого источника подчеркивается тем фактом, что сразу после присоединения Украины к России царская грамота от 25 марта 1654 г. предоставляла Войску Запорожскому право судиться «у своих старшин по давнишним правам их», т. е. на основании права [13, 94]. А база обычного права закладывалась именно в XV — первой половине XVII в. Сначала особую популярность казацкое право приобрело в среде украинских крестьян, которые убегали от своих хозяев и властей в районы Среднего и Нижнего Поднепровья. Нормы права, сложившиеся в Запорожской Сечи, закрепляли военно-административную организацию казачества, некоторые правила военных действий, организацию судебных органов, порядок землепользования и заключение отдельных договоров, виды преступлений и наказаний. Наличие у казачества своего особого права признавалось польским правительством [14, 51]. Несмотря на суровость, а иногда и беспощадность норм казацкого права, в нем была «честность великая» [15, 149]. Казачество всячески отстаивало свое обычное право, опасаясь, что писаное право может ограничить казацкие вольности.

И в польском, и в литовском праве понятие «собственность» возникло довольно рано. Так, в Польском королевстве сначала использовали термин «дедина», т. е. владение вещами, полученными по наследству «от дедов». В дальнейшем его вытеснило понятие «власность» (собственность) [3, 180]. В Великом княжестве Литовском в уставе 1529 г. также существовал специальный термин «собственность» [16, 473], хотя иногда встречалось и такое понятие, как «отчина».

Объекты собственности были разными: имение с зависимыми крестьянами, пахотные земли, леса, покосные луга, озера, реки, продукты сельского хозяйства и ремесленного производства, здания и т. п. При этом имело место разделение всех вещей на движимое и недвижимое имущество. К последнему согласно польскому праву принадлежало все, что было связано с землей. Согласно праву Великого княжества Литовского к недвижимому имуществу причислялись имения, земли, здания, леса и т. п., а к движимому — «другие всякие добра и пожитки».

И все же главная роль отводилась правовому регулированию феодальной земельной собственности. Правовой режим земельных владений был разнообразным. Различались, в частности, королевские, великокняжеские, магнатские, шляхетские и церковные земли. Кроме того, в зависимости от способа при-

обретения имения делились на несколько категорий: «отчины», или «дедины», т. е. полученные по наследству родовые владения; выслуженные, или полученные в пользование («держание») на определенное время, например, «до живота», «до воли господской»; полученные вследствие купли-продажи пожизненно («купленные»).

Право распоряжения этими категориями имений было разным. Если владелец купленного земельного владения распоряжался им свободно, то относительно владений, полученных другим путем, существовали определенные ограничения.

Шляхетская земельная собственность всех видов — родовая, выслуженная или купленная — считалась неприкосновенной. Однако это правило имело исключения. Великокняжеские подданные, убежавшие «в землю вражескую», рассматривались как государственные преступники, поэтому их владения переходили к господарю. Дети преступника теряли право на недвижимое имущество. Свое право владеть родительскими землями теряли девушки, вышедшие замуж без согласия отца и матери или вступившие в брак с иностранцами. В таких случаях имущество переходило «на близких ее».

Право владения землей основывалось на «пожаловании» господаря, которое подтверждалось грамотой или давностью времени. Каждое земельное владение должно было отвечать тому, что о нем записано в грамоте господаря. Правительство Великого княжества Литовского строго следило за этим. Например, во время аграрной реформы Сигизмунда Августа осуществлялась проверка прав на владение землей. Если держатель земли не имел надлежащих документов на право владения ею, она отписывалась хозяину. Но за период от начала аграрной реформы до принятия I Литовского статута появились землевладельцы, право владения землей у которых основывалось только на давности времени. Поэтому статут 1529 г. гарантировал шляхте неприкосновенность таких владений, окончательно признав сроком давности 10 лет. По истечении этого срока любые иски в отношении такого имущества признавались недействительными, и имущество оставалось у того лица, которое владело им на протяжении указанного времени.

Уже шляхетские привилегии 1413 и 1447 гг. разрешали владельцам недвижимого имущества распоряжаться им по своему усмотрению. Литовский статут 1529 г. сохранил за землевладельцами право свободного распоряжения своими землями, однако ограничил его относительно родового и выслуженного имущества: «Волную моц маст именя своего третью часть отдати, продати, даровати и в пожитки добровольные принести». Таким образом, владелец имел право продавать, менять, отчуждать, дарить лишь треть такого имущества. Это право было подтверждено и во II Литовском статуте.

Ограничение права распоряжения земельной собственностью противоречило шляхетским правам и привилегиям. Вполне естественно, что шляхта добивалась отмены этого ограничения. Согласно решению Берестейского сейма 1566 г. каждый землевладелец получал право распоряжаться своим родительским, земским, материнским, выслуженным и купленным имуществом без каких-либо ограничений. Окончательно все ограничения распоряжаться шляхетской земельной собственностью были упразднены III Литовским уставом, в соответствии с которым «всем сословиям шляхетского народа... можно свободно теперь и в будущем имениями своими, вотчинами, материнскими, а также и выслуженными у нас, госу-

даря, и каким-либо обычаем и способом нажитыми на вечность, распоряжаться согласно потребности, желанию и собственному усмотрению» [9].

Определенное распространение в начале XV в. получило так называемое залоговое землевладение. Оно означало, что земли передавались кредитору в качестве обеспечения долга. Иными словами, земля превращалась в залог-владение, которое со временем становилось собственностью кредитора, который имел возможность не только эксплуатировать залоговую землю, но и передавать право на нее другим лицам. Если через 30 лет земля не была выкуплена из залога, то она становилась собственностью кредитора [3, 142].

Литовский статут 1529 г. обязывал каждого землевладельца отбывать воинскую повинность согласно земскому решению. Каждый шляхтич должен был появиться на войне лично и, кроме того, отправить на войну соответствующее количество вооруженных людей в зависимости от размера своего владения. Такое же требование содержалось и в Литовском статуте 1588 г.: «Всякого звания духовные и светские, княжества, панята и урядники земские, дворяне, земляне, шляхта хоругвенная... те, кто имеет имения земские... в случае потребности, с нами и с потомками нашими, или при гетманах наших, должны будут сами лично войну служить и исправлять на военную службу» [9]. К тому же военная служба требовалась от имений родовых, материнских, выслуженных, купленных или иным образом приобретенных.

Право устанавливало, что каждый землевладелец лично должен отбывать военную службу. Однако предусматривалась возможность неприбытия на службу в связи с болезнью. Шляхтич, который отказывался отбывать военную службу, терял право на владение землей. «А кто, — записано в III Литовском статуте, — из тех подданных наших шляхты, рыцарей всяких и всякого звания: владельцев земских имений, на войне не служил, или когда приехал к установленному сроку, не записался, а хотя бы и записался... без разрешения нашего или гетмана нашего великого прочь уехал, то все имение свое теряет, которое переходит к государству и к нам, господарю» [9].

Довольно полную и детальную правовую регламентацию получили вопросы, связанные с наследованием. В результате этого наследственное право выдвинулось в самостоятельный правовой институт.

В польско-литовском праве различалось наследование по закону, завещанию и на основании обычая. Закон закреплял общее положение, согласно которому дети становились наследниками имущества своих родителей. Правда, в Польше право на наследство для женщин поначалу ограничивалось только движимым имуществом. Недвижимое имущество, прежде всего земля, переходило только к сыновьям. Каждый из них получал равную часть, но, начиная с XVI в., шляхетские имения, если не было сыновей, наследовались дочерьми.

Литовские статуты признавали наследниками по закону детей, братьев, сестер, родителей и других кровных родственников. Различалось наследование отцовского и материнского имущества. Например, III Литовский статут 1588 г. предусматривал, что «наследство, недвижимое имущество, ценности и имущество движимое только сыновьям и близким по оружию будет переходить» [9]. И так, отцовское имущество, в том числе купленное, передавалось в «вотчину» лишь сыновьям, а дочерям — преимущественно только приданое от четвертой части всякого имущества отцовского и купленного» [9].

Что касается материнского имущества, как недвижимого в виде имений, так и движимого, в том числе денежной наличности, золота, серебра, одежды и украшений, коней, телег, ковров и т. п., то все это поровну распределялось между детьми — как сыновьями, так и дочерьми.

Закон определял возможность распоряжаться имуществом с помощью завещания. Свобода завещания распространялась на движимое имущество и купленную недвижимость, не входившую в родовую собственность — вотчину или материнское имущество. Каждый имел право «записать свои вещи, движимое имущество и лично им приобретенные имения, однако не отцовские и не материнские имения, со своей доброй воли, когда пожелает, как духовным лицам, так и светским» [9]. При этом не имели права завещать имущество несовершеннолетние, монахи и сыновья, которые не были отделены от родителей, зависимые люди и др.

При отсутствии сыновей, дочерей, других потомков и родственников родовое имущество, приобретенные имения переходили к близким по мужской линии. Материнское имущество переходило к тем наследникам, которые были более близкими к нему.

Если не было наследников по закону и по завещанию, имущество признавалось выморочным и переходило в государственную казну, великому князю. Впервые в Великом княжестве Литовском такая норма была введена II Литовским статутом, где было сказано, что «которые без потомков и наследников своих умирают, ни на кого права своего прирожденного, выслуженного и приобретенного не записав; тем обычаем имения наследством на нас, Господаря Великого, князя Литовского... переходят и переходить будут». Аналогичное положение содержалось в Литовском статуте 1588 г.

Вместе с тем многие вопросы, связанные с наследственными отношениями, регулировались нормами обычного права. Как сказано в I Литовском статуте, дела о наследовании должны рассматриваться преимущественно на основе норм Русской Правды и обычного права [17, 26–27].

В условиях феодального общества обязательственные отношения не получили значительного распространения. И все же польское и литовское право знали разные виды договоров. Сначала в условиях натурального хозяйства чаще всего применялись договор мены и договор дарения. С развитием обмена и денежных отношений получает распространение договор купли-продажи, прежде всего движимого имущества, а потом — и недвижимого. Уже статуты Великого княжества Литовского разрешали «всем сословиям шляхетского народа свободно распоряжаться имениями, с тем чтобы на свое усмотрение их отдавать, продавать, дарить, менять и на церковь записать, за долги передать и в залог отдать» [9].

Закон определял форму и порядок заключения договоров, устанавливал сроки исковой давности (5 или 10 лет), определял условия прекращения обязательств. Хотя многие вопросы при этом решались на основе норм обычного права.

Все соглашения стороны должны были заключать, как правило, в присутствии свидетелей и с выполнением некоторых символических действий и обрядов. Было заведено, чтобы контрагенты перебивали рукопожатие, часто выставлялся «магарыч» (угощение). Все это делалось для подтверждения и закрепления договора.

Предусматривалась гарантия исполнения обязательства, и обеспечивалась она разными средствами. В некоторых случаях договор скрепляли присягой. Использовался также залог. Причем в качестве залога могли передаваться земли, полученные на условиях службы, а также должности. Если кто-то отдавал в залог на определенный срок движимое имущество, а по окончании срока не имел возможности его выкупить, тогда тот, кто получил имущество в залог, мог пожизненно им пользоваться [9].

Значительное распространения в XIV–XV вв. получило поручительство. Следует иметь в виду, что ответственность поручителя была вспомогательной, т. е. наступала в случае если должник был неплатежеспособным.

В некоторых случаях право требовало соблюдения письменной формы договора. Такая форма была обязательной, например, для договора займа на общую сумму свыше «десяти коп денег». Когда же договор займа на большую сумму не был оформлен письменно, должник, по Литовскому статуту 1588 г., имел право уплатить кредитору «только десять коп денег, когда присягнет тот, кто взыскивает долг» [9].

Еще более строгие требования предусматривал закон для соглашений относительно земли. В случае продажи или дарения отцовских, материнских, выслуженных, купленных и иным способом приобретенных имений тот, кто их продавал или дарил, должен был составить запись, скрепить ее своей печатью и поставив подпись, да еще надо было пригласить трех-четыре свидетелей шляхетского происхождения со своими печатями [9]. Потом эту запись вносили в книгу замкового суда. Во время сессии земского суда эта запись переносилась «из книг замковых в книги земские». Такая же запись требовалась в случае, если владелец отдавал в залог имение, людей, земли или брал займы на определенный срок какую-то сумму денег.

Значительное внимание польско-литовское законодательство, нормы которого действовали на украинских землях, уделяло определению составов преступлений и видов наказаний. Так, устав Казимира Великого середины XIV в. посвящал преступлениям почти две трети своих статей. Значительное место они занимали и в Судебнике 1468 г., а также во всех трех Литовских статутах.

Уголовно-правовые нормы имели открыто классовый характер. Жизнь, имущество, честь и личное достоинство представителей господствующих сословий, прежде всего шляхты, защищались усиленными санкциями. За некоторые преступления для шляхты предусматривались значительно меньшие наказания, чем для простых людей. Иногда шляхтичи вообще освобождались от наказания. Так, в соответствии с I Литовским статутом наказанием за оскорбление шляхтича была тюрьма, за оскорбление нешляхтича — штраф. За убийство, совершенное несколькими шляхтичами, наказанию подлежал лишь один из них, остальные же платили «головщину».

Понятие преступления в этот период изменялось. Сначала преступление понимали как физическую, материальную, моральную «несправедливость», причиненную отдельному лицу или общине. Позднее его рассматривали как «вред», «злодейство». Потом стали называть «выступлением», т. е. нарушением правовых норм, установленных государством. Субъектами преступления считались как свободные, так и феодально-зависимые лица, достигшие по II Литовскому статуту 14 лет и по Литовскому уставу 1588 г. — 16 лет.

Начиная с XIV в. законодательство и судебная практика старались отличать умышленную вину от неосторожной. Еще Устав Казимира Великого выделял умышленный поджог, непосредственный виновник которого проявил «грех жестокости» [3, 149–150]. Статуты Великого княжества Литовского довольно четко различали умысел и неосторожность, покушение и законченный состав преступления, детально регламентировали соучастие в совершении преступления. Им были известны и такие институты, как необходимая оборона и крайняя необходимость.

Законодательство предусматривало довольно широкий перечень преступлений, которые подразделялись в зависимости от объекта преступления на несколько видов. Тягчайшим преступлением считались оскорбление или преступное посягательство на жизнь и здоровье главы государства — Великого князя или короля. Особую группу составляли преступления государственного характера: бегство во вражескую землю, разглашение государственной тайны, сдача замка, мятеж («рокош»). Преступлениями против религии и церкви считались богохульство, колдовство, вероотступничество и др.

К преступлениям против личности относились убийство, причинение телесных повреждений, оскорбление. Тягчайшими среди них считалось убийство, которое делилось на категории в зависимости от объекта преступления и способа его совершения: убийство господина, родителей, мужа, детоубийство, убийство во время нападения на усадьбу, убийство во время драки. Преступлениями против собственности считались кражи, поджоги, повреждение или уничтожение чужого имущества и т. п. Особую группу среди них составляли грабеж — открытое нападение с целью завладения имуществом, разбой — умышленное нападение на чужой дом, двор, имение. Если кто-нибудь был убит во время такого нападения, все участники, независимо от их роли, наказывались смертной казнью. К преступлениям против семьи и нравственности относились принуждение к бракосочетанию, двоеженство, брак с близкими родственниками, сводничество, изнасилование и др.

В статутах Великого княжества Литовского для обозначения наказания использовалось несколько терминов: «наказание», «казнь» и т. п. Цель наказания была разной: изоляция преступника, возмещение потерпевшему причиненного ему вреда за счет преступника, причинение преступнику вреда. Однако главной целью при этом было устрашение, о чем свидетельствуют все более возрастающие жестокость и муки наказания (особенно смертной казни), а также публичность его исполнения. Как сказано в грамоте Великого князя Литовского 1522 г., устрашение в писаном праве необходимо для предупреждения преступлений, удержания своевольных людей от преступного поведения и сохранения в хорошем состоянии всего государства.

Самым тяжким наказанием была смертная казнь, которая предусматривалась за государственные преступления, убийство, разбой, наезд и др. Законодательство различало простую смертную казнь (отсечение головы, повешение) и квалифицированную, т. е. особенно мучительную (сжигание, четвертование, посажение на кол, закапывание живьем в землю и т. п.). Телесные наказания были болезненными (битье кнутом, киями, розгами) и членовредительскими (отсечение руки, отрезание уха, носа). Применялись они преимущественно к непривилегированным сословиям. Как наказания практиковались

также лишение свободы (заточение в башне), выставление возле позорного столба.

Особым видом наказания, которое применялось только к представителям шляхты, было «выволание» (выкрикивание), поскольку оно связывалось с публичным объявлением приговора. «Выволание» приводило к гражданской смерти осужденного. Такой человек переставал существовать для закона как личность: он терял шляхетство, права на имущество, вынужден был скрываться за границей, так как в случае ареста его надлежало убить [18, 72]. От таких последствий «выволания» мог освободить только великокняжеский охранный лист, так называемый глейт [19, 243]. С XVI в. выволание заменяется менее суровым наказанием — опалой. Опальный шляхтич также должен был оставить территорию государства. Однако это была потеря гражданских прав, но не чести.

В польско-литовском праве существовала довольно сложная система дополнительных наказаний, включавшая конфискацию имущества, «головщину», возмещение ущерба, «навязку».

«Головщина» — это денежный штраф «за голову убитого», который выплачивался, кроме основного наказания, семье или родственникам убитого. «Головщина» считалась дополнительным наказанием. Так, согласно III Литовскому статуту, «если бы человек простого звания убил другого человека такого самого простого звания, нешляхтича, тогда... сторона обвиненная смертью наказывается. А и головщина из его движимого имущества по словию убитого выплачена должны быть тому, кому по праву будет принадлежать». Размер «головщины» зависел от сословия убитого. За шляхтича, сказано в III Литовском статуте, «кроме наказания, описанного в данном уставе, надо выплатить 100 коп денег, а за войта, бурмистра — 60 коп денег, за ремесленника или мещанина таких городов, которые на Магдебургском праве, — 30 коп денег, за тяглового человека — 24 копы денег» и т. д.

Денежным штрафом, назначавшимся за причинение ранения, побоев, незначительную кражу, совершенную впервые, была так называемая «навязка». Она могла быть как основной, так и дополнительной мерой наказания и сводилась к денежной компенсации потерпевшему. Литовские статуты детально регламентировали случаи назначения «навязки» и ее размер.

Характерной особенностью системы наказаний была их неопределенность. Часто законодатель определял вид наказания, а не его размер. Это давало возможность судьям устанавливать размер наказания произвольно, исходя из своих личных и классовых интересов.

За рамками польско-литовского законодательства оказалась система преступлений и наказаний запорожского казачества, которая сложилась согласно старинным обычаям, «словесному праву и здравому смыслу».

Среди уголовных преступлений тягчайшим считалось убийство казаком товарища, причинение побоев, кража, неуважение к начальству, насилие в Запорожье или христианских поселениях (отнятие у товарища коня, скота, имущества), дезертирство, гайдамачество (кража коней, скота, другого имущества у мирных жителей), приведение в Сечь женщин (кроме матери, сестры, дочери), пьянство во время военного похода.

Наказание у запорожских казаков зависело от характера и тяжести совершенного преступления. В качестве наказания практиковались привязывание

виновных цепями к пушке на площади (за неуважение к начальству), битье канчуками под виселицей, искалечивание, разграбление имущества.

Наиболее суровым наказанием у казаков была смертная казнь, имевшая преимущественно квалифицированный характер: закапывание живьем в землю, посажение на кол, повешение на железном крюке, забивание киями у позорного столба. Суровость наказаний у запорожских казаков, по мнению Д. Яворницкого, объяснялась тремя причинами: во-первых, тем, что в Сечь приходили люди высокой морали; во-вторых, войско жило без женщин и не знало их смягчающего влияния; в-третьих, казаки почти постоянно вели военные действия и поэтому поддержание порядка в войске требовало особенно суровых мер [15, 150].

Процессуальное право не знало существенных различий при рассмотрении гражданских и уголовных дел. Причем в украинских землях продолжительное время сохранялся обвинительно-состязательный процесс, основные черты которого закреплены в древнерусском праве. Его характерной особенностью была разнообразная яркая обрядность, «весьма богатая в сфере процессуального права, которое требует наиболее активного действия, почти не существует процессуального акта или института, которые бы не имели своего обряда-символа» [20, 231].

Судопроизводство начиналось по заявлению заинтересованной стороны — потерпевшего или его родственников. Весь процесс носил исковой характер. Истец должен был самостоятельно собрать все доказательства, представить их суду и поддерживать обвинение. На любой стадии процесса он имел право отказаться от иска или обвинения, заключить мировое соглашение. Однако относительно наиболее тяжких преступлений (например, государственного характера, против церкви) следствие и суд были обязательными независимо от заявления стороны. Здесь практиковались доносы, применялись пытки, соблюдалась тайна судопроизводства, т. е. проявлялись черты розыскного процесса.

В целом объем процессуальных полномочий сторон был довольно значительным, но зависел от того, в каком суде рассматривалось дело, классовой и сословной принадлежности сторон. Представителями сторон на суде могли быть находившиеся при судах профессиональные адвокаты. В некоторых делах их участие было обязательным. За услуги адвокату платили [21, 13]. Без адвокатов не обходился почти ни один судебный процесс, так как главную роль на нем играл «разговор сторон», как тогда называлась процедура словесных состязаний сторон. Присутствие адвоката для человека, который не разбирался в тонкостях права, было крайне необходимым. Например, только через Луцкий суд в 30–40-х гг. XVII в. проходило каждый год до сотни правоведа.

Чрезвычайно большое значение имела система доказательств, применявшаяся в судах. Согласно теории формальных доказательств они распределялись на совершенные и несовершенные («полные» и «неполные»). Количество и качество доказательств устанавливались для каждой категории дел. Литовские уставы содержали перечень важнейших доказательств: свидетельские показания, вещественное доказательство («поличное»), присяга и т. п. Для получения признания подозреваемого в некоторых случаях применялись пытки.

В привилегированном положении находилась шляхта. Присяга шляхтича признавалась «доводом», т. е. неоспоримым доказательством. Если не было свидетелей преступления шляхтича или он не был задержан на месте преступления, он мог очиститься присягой [22, 140].

Наиболее распространенными доказательствами были свидетельские показания. Статуты определяли круг лиц, которые могли быть свидетелями. Высшей мерой достоверности были свидетельства духовенства и должностных лиц. В имущественных спорах приоритетное значение имели письменные доказательства, поскольку закон требовал заключать некоторые договоры только в письменной форме. Присяга и клятва считались косвенными доказательствами.

Практиковалось и предварительное следствие, осуществляемое служебными лицами государственного аппарата — старостами, их наместниками, замковыми судьями. Они выезжали на место преступления, подвергали допросу свидетелей и подозреваемых, записывали их показания и передавали в суд. На предварительном следствии присутствовали понятые («два шляхтича веры годные») [9].

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ

1. *Правовий звичай як джерело українського права (IX–XIX ст.)*. — К., 2006.
2. *Бойко І. Й.* Органи влади і право в Галичині у складі Польського Королівства (1349–1569 рр.). — Л., 2009.
3. *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* История государства и права Польши. — М., 1980.
4. *Полонська-Василенко Н.* Історія України. — К., 1995. — Т. 1 : До середини XVII століття.
5. *Статут Великого князівства Литовського* : у 3 т. — Одеса, 2002. — Т. 1 : Статут Великого князівства Литовського 1529 року.
6. *Яковенко Н.* У XVI столітті ми жили в правовій державі // Старожитності. — 1991. — Ч. 1.
7. *Статут Великого князівства Литовського* : у 3 т. — Одеса, 2003. — Т. 2 : Статут Великого князівства Литовського 1566 року.
8. *Чубатий М.* Огляд історії українського права // Історія держави та державного права. — Мюнхен ; К., 1994.
9. *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588*. — Минск, 1989.
10. *Проблеми дослідження Другого Литовського статуту* // Другий міжнародний конгрес українців. — Л., 1994.
11. *Кобилецький М.* Магдебурзьке право в Україні (XIV — перша половина XIX ст.) : історико-правове дослідження. — Л., 2008.
12. *Хрестоматія з історії Української РСР*. — К., 1959. — Т. 1.
13. *Грушевський М.* Хто такі українці і чого вони хочуть. — К., 1991.
14. *Паньонко І. М.* Звичаєве право запорізьких козаків // Вісник Львівського університету : Сер. юрид. — Л., 1999. — Вип. 34.
15. *Яворницький Д. І.* Історія запорізьких козаків : у 3 т. — К., 1990. — Т. 1.
16. *Пичета В. Й.* Белоруссия и Литва в XV–XVI вв. — М., 1961.
17. *Ткач А. П.* Історія кодифікації дореволюційного права України. — К., 1968.
18. *Кульчицький В. С., Настюк М. І., Тищик Б. Й.* Історія держави і права України. — Л., 1996.
19. *Енциклопедія українознавства*. — Л., 1993. — Т. 1.
20. *Яковлев А. І.* Українське право // Українська культура : лекції / за ред. Д. Антоновича. — К., 1999.
21. *Яковенко Н.* Бояри-шляхта із Заушшя // Старожитності. — 1991. — Ч. 9.
22. *Чубатий Н.* Огляд історії українського права // Старожитності. — 1991. — Ч. 4.

Страхов Н. Н. Право в українських землях во время их пребывания в составе Польши, Литвы и Речи Посполитой (конец XIV — первая половина XVII в.)

Аннотация. Стаття посвящена правовій системі, котра сформувалась на українських землях на основі синтезу місцевого права, звичаїв і нормативних актів в формі судовиків, уставів, сеймових постановлень, привілеїв і других актів Польського королівства і Великого князівства Литовського.

Ключевые слова: історичні джерела права, Руська Правда, Литовський статут.

Strakhov N. Law in Ukrainian Lands While Part of Poland, Lithuania, and Rzecz Pospolita (End of XIV — First Half of XVII Century)

Annotation. The article is devoted to the legal system, which was formed in Ukrainian lands on the basis of a synthesis of local law, customs and regulations in the form of law codes, statutes, regulations of Seym, privileges and other acts of the Kingdom of Poland and the Grand Duchy of Lithuania.

Key words: sources of law, Russkaia Pravda, Lithuanian Statute.